

8 63(5K)
К 59

ТАРИХШЫНЫҢ
КІТАПХАНАСЫ

Министерство народного образования Республики Казахстан
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

М. К. КОЗЫБАЕВ
Ж. Б. АБЫЛХОЖИН
К. С. АЛДАЖУМАНОВ

Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИКА

Алма-Ата 1992

0.63/32/
K 58

М. К. КОЗЫБАЕВ, Ж. Б. АБЫЛХОЖИИ, К. С. АЛДАЖУМАНОВ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ТРАГЕДИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Алма-Ата, 1992 г.

I. КУРС НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ И МЕТОДЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

На рубеже 20—30-х годов нэповская линия развития исторического действия была заблокирована идеями революционаристского утопизма, густо замешанными на дрожжах тоталитарного политического мышления. На долгие и мучительные десятилетия в сфере экономики и общественно-политической жизни воцарился тотальный дух «силовой» альтернативы.

Глубоко трагические последствия возымела его роковая данность в сельском хозяйстве. Выдвинутые во главу угла политики в деревне внеэкономические императивы с их ориентацией на жесточайший командно-административный террор, не только дискредитировали идею кооперирования крестьянства, но и сводили на нет ее позитивные потенции. «Великий перелом» начинал безжалостно разламывать сельские структуры, исподволь подготавливая грядущие проблемы общества.

В этих условиях основным двигателем процесса кооперирования непосредственных производителей становились не столько действительное творчество масс и осознанная «снизу» экономическая целесообразность, сколько грубая сила и директивно санкционированное принуждение с его системой противоправных атрибутов обеспечения. И одним из первых подтверждений тому служил уже сам факт установления зональных сроков и темпов проведения коллективизации сельского хозяйства, когда вся страна, словно театр военных действий, была поделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения кампании.

Казахстан, волею сталинского руководства, был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию необходимо было в основном завершить весной 1932 года (за исключением кочевых и полукочевых районов). Тем не менее в республиканских чиновно-бюрократических чертогах даже эти форсированные сроки воспринимались как некая планка, которую во что бы то ни стало нужно «перепрыгнуть». Типичный образец подобного усердия зафиксирован, например, в постановлениях V пленума Кзыл-Ординского окружкома ВКП(б), где прямо ставилась задача полностью коллективизировать сельское хозяйство ¹оттуда же БМУ-ию

1931 года¹.

¹ Ленинский путь (г. Кзыл-Орда), 1931, 7 февраля

По-видимому, иного мышления в условиях командно-административной системы попросту не могло и быть, ибо в ее установках коллективизация ассоциировалась не иначе, как с очередной ударной кампанией. А логика данного явления предполагала всегда один и тот же апофеоз — досрочно победный рапорт. Поэтому понятно, что очень скоро вся партийно-политическая работа и деловые качества местного аппарата стали оцениваться в контексте исключительно одного критерия — процента коллективизированных хозяйств.

Директивные органы как будто бы и предостерегали от чрезмерного забегания вперед, однако, имевшиеся на этот счет многочисленные прецеденты в большинстве своем квалифицировались как «издержки революционного рвения» или неопытность и в худшем случае вызвали дисциплинарные взыскания. Куда как суровее трактовались обратные тенденции, которые очень часто расценивались как проявление «правого оппортунизма» или даже вредительство. А подобные обвинения уже в то время были чреватые самыми печальными последствиями. Одним словом, весь комплекс политико-идеологических регулятивов нацеливал больше на гонку за рекордными показателями, нежели на разумные темпы, (если вообще можно говорить о какой-нибудь разумности по отношению к такому абсолютно иррациональному феномену как коллективизация).

Понятно, что очень быстро общественный организм стал испытывать приступ почти что параноидальной процентомании. Районы и округа республики соревновались друг с другом в напыщенности победных реляций. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с «колхозного фронта».

Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2 процента всех хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 г. — 50,5, а к октябрю 1931 г. — около 65 процентов. А ряд «маяков» колхозного движения перекрыл и эти показатели. Так, скажем, в Уральском и Петропавловском округах на это время в колхозах числилось свыше 70 проц. имеющих там хозяйств. Не менее крутую параболу выписывала колхозная динамика в других регионах края. Поэтому неудивительно, что к началу осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где коллективизацией было охвачено от 70 до 100 проц. дворов.]

Однако, если количественные характеристики вызывали на всех уровнях иерархической отчетности чувство оптимиз-

ма, то их качественная ипостась порождала сомнения. Не случайно в документах того периода обильно присутствуют эпитеты типа «бумажный», «дутый», или «лжеколхоз». Даже наиболее беспрекословные и готовые на все функционеры в своих комментариях для вышестоящих инстанций были вынуждены признать, что подавляющее большинство стремительно «организовавшихся социалистических форм производства» не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики и могут считаться таковыми лишь весьма и весьма условно². Но даже эти вынужденные откровения мало смущали краевое руководство, которое, несмотря ни на что, продолжало накручивать темпы кампании, реагируя на проблему больше в виде словесной демагогии.

Детонацией «колхозного взрыва» в крае послужила отнюдь не крестьянская инициатива, как это пытались представить органы официальной пропаганды. Здесь прямо сказывались методы откровенного давления. Нарушения принципа добровольности и элементарной законности вообще с самого начала приняли повсеместный характер. Сплошь и рядом во время проведения сельских сходов вместо обращения «кто хочет вступить в колхоз» звучала зловеще-вопросающая риторика «кто против коллективизации». В тех случаях, когда крестьянство не проявляло «доброй воли» и не спешило избавляться от «буржуазной» частной собственности, к ним применяли иные «воспитательные» меры. Так, источники сообщают о таких фактах, как имитация расстрелов (когда по несколько раз умышленно стреляли выше головы, якобы приговоренного к расстрелу, что, естественно, доводило жертву до потери рассудка, раздевание на морозе и вождение под конвоем по снегу через всю деревню, насильное заталкивание в ледяную прорубь и т. д.). Распространенными являлись и такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав, угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест.

Излюбленным средством наиболее рьяных коллективизаторов было огульное зачисление колебавшихся в так называемые подкулачники. Эта категория представлялась столь универсальной, что большая фантазия чиновных исполнителей могла подвести под нее кого угодно. Бывало, снять это обвинение можно было лишь «поплакавшись в жилетку»

² Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии АН РК (далее: ИИАЭ АН РК), инв. № 149, с. 20.

Всесоюзному старосте, что, конечно, удавалось далеко не каждому.

Чрезвычайный характер кампании с особой силой проявился в тех мерах, которые разворачивались в рамках курса на ликвидацию кулачества и байства как класса. Коллизии его затронули не только эксплуататорские слои аула и деревни — в водоворот драматических событий оказалась втянутой большая часть зажиточных (но при этом трудовых) и середняцких хозяйств.

Своего рода предтечей обрушившихся на крестьянство репрессий стали сельскохозяйственные заготовки. Уже в ходе их произошла заметная эскалация силового нажима. О масштабах его можно судить хотя бы по тому факту, что в течение только двух хлебозаготовительных кампаний (1928—1929 и 1929—1930 гг.) и только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) в результате применения 107-ой и 61-ой статей Уголовного кодекса РСФСР были осуждены 34 120 человек и привлечены к административной ответственности 22 307 хозяйств. Кроме того, взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн. рублей, конфисковано скота — 53,4 тыс. голов, хлебных запасов — 631 тыс. пудов, различных строений — 258 единиц³. Показательно, что даже по официальным признаниям в общей массе судебно и административно привлеченных, кулацкие хозяйства составляли несколько больше половины⁴.

Заготовительные акции встречали сопротивление и со стороны только что созданных колхозов. Многие руководители в то время еще не до конца осознали, что решения о форсированном расширении сельхозартельной формы производства во многом определялись задачей обеспечения удобной и бесконфликтной «перекачки» прибавочного (а очень часто и необходимого) продукта деревни в фонд накопления индустриализации. Они еще не успели свыкнуться с мыслью, что общественные закрома должны рассматриваться не как элемент расширенного воспроизводства колхозной экономики и фактор повышения материального благосостояния членов сельхозартелей, а, скорее, как своеобразная транзитная база продвижения хлеба за кордон в целях получения валюты.

³ Весь Казахстан. Алма-Ата, 1931. С. 77.

⁴ Там же.

Поэтому в первое время находилось немало работников, наивно пытавшихся апеллировать к разумным пределам. Например, бюро Мендыгаринского райкома партии долго не соглашалось с твердыми заданиями по заготовкам, спущенным из Краевого комитета ВКП(б). Когда же нажим усилился, секретарь райкома с откровенным разочарованием заявил: «Ну что же, раз так, то я возьму все до квашни, разую и раздену все колхозы и они разбегутся» (и это оказалось не столь уж далеким от истины предсказанием). Из другого райкома (Карабалыкского) сообщали: «Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят». И подобных «демаршей капитулянтского оппортунизма», как расценивало все это тогдашнее руководство республики, было предостаточно⁵.

Когда же стало ясно, что упования на нужду не только не действуют, но и вызывают обратную реакцию (крайне печальную для критиков «борьбы за хлеб»), в ход пошли всевозможные ухищрения. Для того, чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то толику выращенного урожая, колхозники специально не выкашивали полосы хлеба у дорог, межей и арыков, недоочищали зернотока, пропускали зерно в мякину, оставляли на полях колосья, использовали умышленно неотрегулированные молотилки с целью пропуска в солому колосьев и т. д., и т. д.⁶.

Вскоре, однако, эти «маленькие хитрости» стали пресекаться более сурово. После того, как 7 августа 1932 года был принят драконовский Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», за подобные дела грозил расстрел, а при «смягчающих обстоятельствах» — десять лет тюрьмы с конфискацией имущества⁷.

Только за первый год действий этой антиконституционной нормы в Казахстане было осуждено 33 345 человек, из них 7 728 колхозников и 5 315 трудящихся-единоличников (как сказано в отчетах). Как сообщают источники, во второй половине 1931 г., т. е. до принятия закона, по делам,

⁵ Борьба за хлеб — борьба за социализм. // Большевик Казахстана. 1931. № 12. с. 45.

⁶ Там же.

⁷ СЗ СССР. 1932. № 62. С. 360.

связанным с заготовками, было расстреляно 79 человек. Но даже эти вопиющие цифры меркнут на фоне террора, развернувшегося вслед за этим. Хотя чиновники из Казахского отделения Верховного Суда придерживались иного мнения. В отчетном докладе за 1933 г. они, словно речь идет о поголовье скота, отмечают: «... уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933 г. на 44,5% (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальным». Тут же запоздало констатируется, что «на 163 осужденных к расстрелу только 18 классовоуждых элементов» (последняя фраза ясно дает понять что социальная принадлежность могла служить «оправдательным» основанием для лишения человека жизни)⁸.

Поводом для жестокого наказания могли стать самые пустяковые провинности. Примеров тому буквально сотни. Приведем здесь лишь несколько наиболее характерных случаев из судебной практики того периода.

Нарсуд Курдайского района приговорил к 10 годам лишения свободы колхозника Самойленко за одноразовое использование «общественных лошадей» в поездке по личным делам; Усть-Каменогорский суд дал тот же срок (ниже не было) Колпакову за то, что его дети «украли» 6 кг проса, а середняку Астафьеву за «кражу» 17 кг зерна (по-видимому, судьи квалифицировали данное «дело» как крупное хищение, ибо во многих случаях «народные» судьи не раздумывая судили и за несколько сот граммов); Сталинский нарсуд (совпадение глубоко символичное) отправил в лагерь колхозников Д. Воробьева и Н. Дудина, имевших несчастье не усмотреть, как на колхозную лошадь свалился стог сена и повредил ей глаз; тем же судом был обречен на ужасы ГУЛАГа В. Ковчуг, ударивший лопатой строптивного верблюда. Над определениями судов, наверное, можно было бы посмеяться, если бы они не являли собой горестных реалий набравшего силу сталинизма⁹.

Крайне тяжелыми последствиями обернулось так называемое раскулачивание. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых

⁸ Приведенный здесь комплекс данных о репрессивных мерах, применявшихся в соответствии с законом от 7 августа 1932 г., взят нами из выкладок М. Ж. Хасанаева, сообщенных им на региональной дискуссии по проблемам истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстана (Алма-Ата, ноябрь 1988 г.).

⁹ Там же.

кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3—5 процентов. Но во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось. Однако система на то и была командно-административной, чтобы всякая спущенная сверху установка без какого бы то ни было осмысления и препирательства ударно претворялась в жизнь, пусть даже ценой конфликта с элементарной логикой. Именно поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде «подтягивалась» до самого верхнего предела. А нередко план «по валу» выполнялся настолько усердно, что фактически превышал в два, а то и три раза субъективно установленный контингент. Так было, например, в Красноармейском районе Петропавловского округа, где экспроприации оказались подвергнутыми 7 проц. всех хозяйств (496 дворов), т. е. втрое больше, чем насчитывалось индивидуально обложенных налогоплательщиков. А в одном из сел Боровского района Кустанайского округа было определено к выселению сразу 37 хозяйств¹⁰, хотя поверить, что в одной деревне имелось около четырех десятков частных предпринимателей кулацкого типа более чем трудно.

Подобные «достижения» имели очень простое объяснение: наряду с сугубо эксплуататорскими элементами раскулачивались (а точнее было бы сказать, «раскрестьянивались») зажиточные и середняцкие хозяйства. Основной индикатор частнокапиталистического уклада — использование наемного труда (что кстати, после 1 февраля 1930 г. было запрещено) — растворился в обилии надуманных признаков, выражавших скорее производственную мощь того или иного хозяйства, чем его действительную социально-экономическую природу. Достаточно было иметь, скажем, дом с железной крышей или пару лошадей и риск попасть в разряд кулаков обретал реальность.

Следует также учитывать, что конкретные решения об экспроприации или выселении кулаков принимались на общих сходах колхозников, бедняков и батраков. А поскольку конфискованное имущество передавалось в качестве вступительных взносов бедняков и батраков в неделимые фонды колхозов (к лету 1930 г. доля стоимости имущества раскулаченных в неделимых фондах колхозов Казахстана составила 25,2 проц.)¹¹, а частью раздавалось бедноте, то подчас

¹⁰ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Документы и материалы. Алма-Ата, 1957. Ч. I. С. 287.

¹¹ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 141.

за «классово строгими» резолюциями оказывались на самом деле обыденные меркантильно-личностные интересы.

Нередко середняки и зажиточные попадали в «кулацкие списки» в силу действия субъективно-эмоционального настроения массы, подхлестываемого всеобщим ажиотажем «нарастающей классовой борьбы», чувством причастности к разоблачению «затаившихся врагов». Тем более, что огульные обвинения не являлись строго наказуемыми и даже поощрялись моральной индульгенцией в виде занесения в «скрижали борцов за социальную справедливость».

К сожалению, масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются точной оценке, так как репрезентативность (мера представительности) выявленных материалов еще не вызывает удовлетворения. На сегодня, историография располагает лишь фрагментарными сведениями на этот счет. Тем не менее даже отрывочные данные позволяют констатировать беспрецедентную массовость этой трагедии.

В самом деле, можно ли как-то иначе трактовать тот факт, что на 1 июля 1938 г. в стране имелся порожденный сталинизмом контингент спецпоселенцев (до 1934 г. отправленные в «кулацкую ссылку» крестьяне назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 гг. — спецпоселенцами) численностью почти в миллион человек¹². По состоянию на конец 1938 г. в концентрационных лагерях страны находилось 1 317 195 человек, в колониях — 350 538¹³. Одним словом, «монопольность системы» во многом обеспечивалась постоянным пребыванием в ГУЛАГе до трех миллионов несчастных. Только фашистская Германия обошла нас в этом рекорде вселенского антигуманизма.

Что касается нашей республики, то здесь уже на 15 марта 1930 г., т. е. всего через месяц после принятия постановления ЦИК и СНК КАССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством», было арестовано и передано суду 3 113 человек, а 2 450 хозяйств подлежало выселению за пределы округа проживания¹⁴. По данным же Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ в 1930—1931 гг. численность крестьян,

отправленных в «кулацкую ссылку», достигла в Казахстане 6 765 человек. В основном они расселялись за пределами округа проживания, но в границах Казахстана (это касалось, однако, только членов семей, их же главы были либо арестованы, либо сосланы на Кольский полуостров и Колыму).

В то же время территория Казахстана была определена сталинским руководством в качестве «кулацкой ссылки» для многих и многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. По сведениям того же Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, в республику была выселена 46 091 семья, или 180 015 человек¹⁵. Это были крестьяне с Нижней и Средней Волги, из Центрально-Черноземной области, Нижегородского края, Московской области, Средней Азии и Закавказья.

Таким образом, в стране был создан гигантский Агро-ГУЛАГ. Его узниками стали наиболее предприимчивые, опытные и квалифицированные работники, строившие свое хозяйство на основе изнурительной, продолжавшейся из года в год самоэксплуатации, являвшие собой, что называется, «крестьянскую косточку». И поистине было безгранично лицемерие режима, создававшего каторжные резервации для якобы трудового перевоспитания эксплуататоров.

Трагедия этих людей безмерна. Их грузили в эшелоны, дав на сборы подчас лишь сутки. Что в этих условиях можно было взять, кроме самого необходимого скарба? Иногда успевали захватить лишь чугушки, самовары, иконы и т. д. Все остальное, т. е.житое долгой жизнью добро, оставалось активистам-люмпенам.

Эшелоны шли неделями, а то и месяцами. На немногих станциях, где предполагались остановки, поезда загонялись в тунки (подальше от постороннего глаза), а их невольные пассажиры строились в колонну. Затем всех заставляли встать коленями на снег (а руки за голову). В таком виде колонна застывала на несколько часов. За малейшие разговоры или движения — удары прикладами и натравливание собак. Понятно, что после такой экзекуции многие уже не поднимались.

Все эти нечеловеческие страдания, отражены в одной из песен карагандинских спецпереселенцев:

¹⁵ Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД и МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 4.

¹² Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 75.

¹³ Там же.

¹⁴ Жумабеков Ж. Ленинской дорогой. Алма-Ата, 1973. С. 155.

Мы жили крестьянским хозяйством,
Трудясь от зари до зари.
Умели мы многое делать,
Орловцы, мордва, волгари.

Но год наступил тридцать первый.
Нас стали по тюрьмам сажать,
А жен и детей — малолеток,
Семьей кулака обзывать.

Лишили нас прав и свободы.
Родных нас лишили полей.
Повыгнали всех нас из дома —
И жен, стариков и детей.

Привезли нас к железной дороге,
В вагоны набили битком,
Закрыли все наглухо двери
И — в путь. А что было потом!

Мы смрадом параши дышали,
Нас мучила жажда в пути,
И дети от жажды стонали:
«Водички! Водички! Воды!»¹⁶.

Глубоко антигуманная идеология сталинизма многое объясняет и в той страшной трагедии, которая выпала на долю казахского аула. По своим масштабам она затмила все сколько-нибудь известные прецеденты из исторического прошлого народа.

Событийная канва горестного мартиролога была завязана здесь на все той же пагубной идеи сверхфорсированной коллективизации. Однако катастрофические последствия от ее реализации многократно усугублялись извращениями по линии сельхоззаготовок и так называемого планового оседания кочевых и полукочевых хозяйств.

Кампания по заготовкам скота с самого начала приняла в ауле характер чрезвычайной акции времен военного коммунизма (хотя даже в тот трудный период казахское хозяйство не знало ничего подобного). Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели

¹⁶ Цитировано по: Чиров Д. Карагандинские спецпереселенцы: как это было? // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991.

в своей расчетной основе фальсифицированные данные о количестве у населения скота. Случалось это в том числе и потому, что более или менее достоверные первоначальные сведения (налоговый учет Наркомфина) в ходе своего продвижения от одной бюрократической инстанции к другой претерпели очень существенные поправки в сторону увеличения (при этом говорилось, что финансовые органы, дескать, недоучли огромное сокрытие скота от налогообложения).

В результате приписок и грубого волюнтаристского планирования на районы спускались задания, намного превышавшие реальную численность имевшегося в наличии скота. В этой связи характерен пример Балхашского района, располагавшего стадом в 173 тысячи голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тысяч единиц¹⁷. Уже отсюда видно, что при заготовках востребовался даже тот скота, тучные стада которого существовали лишь в воображении чиновников.

Естественно, что очень скоро в краевые органы стал поступать поток жалоб. Но на них мало кто реагировал. Да и сама реакция была вполне в духе времени. Так, З. Торегожин (замнаркома заготовок — Авт.) озабоченно сообщал, что, согласно рассчитанному им балансу, при существующих объемах заготовок животноводство в республике вряд ли выстоит. Ответ последовал незамедлительно через воинствующую статью в официозе «Большевик Казахстана». Здесь в частности писалось: «В балансе ... ярко проявилась вся суть правооппортунистической, механической методологии, теоретическая беспомощность, полное непонимание марксистско-ленинской диалектики... Автор ухватился за количественное снижение поголовья. Последнее — факт. Но ползучий уклонист за этим фактом не видит более существенных экономических и политических изменений... За внешней, поверхностной стороной событий, близорукий эмпирик не видит действительного роста социализма»¹⁸.

Не менее ярким «обличительным пафосом» отличались вердикты, сформулированные в более высоких сферах. Например, бюро Казкрайкома ВКП(б), раздраженное исходящей от некоторых районных руководителей критикой, вынесло специальное постановление. В нем был буквально сле-

¹⁷ Шестой пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). 10—16 июля 1933 года. Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936. С. 232.

¹⁸ Искаков П. Методологические основы «торегожинщины» // Большевик Казахстана. 1931. № 11. С. 40.

дующий текст: «Крайком решительно осуждает тенденции отдельных районов и работников — не выполнять планы и ослабить темы мясозаготовок... под прикрытием разговоров о сокращении стада, о необходимости сохранения производственного скота, ... как тенденции, вытекающие из правооппортунистического непонимания скотозаготовок как **органической части социалистической реконструкции животноводства** (выделено нами. — Авт.), как важнейшего рычага обеспечения индустриализации страны»¹⁹. Вскоре лозунг «Перегибов не допускать — парнокопытных не оставлять!», рожденный злобшей иронией бездушных исполнителей, стал определяющим в кампании. Как отмечал один из ее ретивых проводников, «миндальничать не приходилось»²⁰. И не миндальничали. Тем более, что по меркам заезжих заготовителей 25—30 баранов в хозяйстве выглядели чуть ли не как «сверхбогатство», от которого не будет.

Между тем, специфика кочевого способа производства допускала подобное количество скота лишь как жизнеобеспечивающий минимум. Для воспроизводства же и нормально функционирования хозяйственной ячейки требовалось гораздо больше. Но эта объективная предпосылка не принималась во внимание, и хозяйству этому в лучшем случае оставалось 2—3 барана, что ставило его на грань безысходности (опасаясь, что заберут и оставшихся баранов, скотоводы их тут же забивали).

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. Так, в целях «ударного» проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец прямо в стужу, посреди суровой зимы, что не могло не привести к массовому падежу скота²¹.

Многочисленными были случаи, когда в поисках хлеба заготовители наезжали в скотоводческо-земледельческие аулы и выколачивали его из хозяйств, имевших крошечные, чисто потребительские посева. У них подчистую забиралось даже то ничтожное количество зерна, с которым связывалась единственная надежда на выживание. Обязательные хлебозаготовки вопреки всякой логики распространялись и на несую-

¹⁹ Постановление бюро Краевого комитета ВКП(б) о мероприятиях по выполнению решения декабрьского Пленума ЦК и ЦКК о скотозаготовках // Большевик Казахстана, 1931. № 1.

²⁰ Рукописный фонд ИИЭ АН РК, инв. № 149, л. 30.

²¹ VII-я Всеказахская партийная конференция. С. 101.

щие хозяйства сугубо животноводческих районов. Страшась быть обвиненными в саботаже, их население было вынуждено обменивать свой скот на хлеб и сдавать последний в счет заготовок. Понятно, что вследствие этого норма потребления начинала тяготеть к своему минимуму, предвещая близкий голод.

Сильнейший удар нанесла по казахскому хозяйству силовая седентаризация (оседание) скотоводов-кочевников и полукочевников.

Идеология оседания тесно увязывалась с полной трансформацией хозяйственных форм. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства виделись исключительно в эволюции (административно направляемой) скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарное животноводческое (так называемое социалистическое отгонно-пастбищное).

Между тем государству, опирающемуся на неразвитые, фактически доиндустриальные производительные силы, радикальное преобразование традиционного аграрного фундаментализма, было, конечно же, не под силу. Кроме того, следовало учитывать, что кочевничество являло собой отнюдь не примитивный (как это многим представлялось), но чрезвычайно сложный тип хозяйственно-культурной деятельности с непростой социальной организацией и многоуровневым комплексом институциональных связей. Преобладавшие здесь общинные структуры в течение веков формировали уникальную корпоративную психологию и традиционные идеологические установки с их смещенными в реальности стереотипами. Все это, соединяясь в едином векторе, было способно вызывать сильный иммунитет по отношению к любым стандартно запланированным акциям, игнорирующим конкретно-исторические реалии.

Принципиально важно было и то, что в тех условиях кочевое скотоводство сохраняло свою экологическую рациональность. Пастбищно-кочевое скотоводство являлось именно тем типом хозяйственно-культурной деятельности, который на том доиндустриальном уровне развития производительных сил единственно только и мог интегрироваться, вписаться в аридную среду, каковой представлялась территория Казахстана*. Только через номадный (кочевой) спо-

* Аридными считаются территории, где сумма годовых атмосферных осадков не превышает 350 мм.

высокими инстанциями республики и, следовательно, не мог объясняться ссылками на непонимание или «искривление партийной линии на местах» (как это имеет место во многих работах). В постановлениях Казкрайкома, принятых в течение мая—августа 1931 г., без какой-либо двусмысленности перед животноводческими районами ставилась задача «выйти на линию более высоких темпов коллективизации».

При этом в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. Источником расширительного толкования процессов социализации служили категоричные команды, исходившие из «коридоров власти», в том числе из того же Казкрайкома. В решениях одного из его пленумов черным по белому было записано: «В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное (выделено нами. — Авт.) обобществление в сельскохозяйственных артелях всего товарно-продуктивного стада».

Как это часто бывает, периферийный аппарат в своем рвении пошел еще дальше, демонстрируя при этом недюжинную фантазию. Так, тургайские работники поставили задачу «весь скот обобществить, не оставляя ни одного козленка в индивидуальном пользовании». Другим показало этого недостаточно, и они решили «в целях изжития мелко-собственнической психологии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам». «Творческая инициатива» борцов с частной собственностью очень скоро дала свои результаты. К февралю 1932 г. в Казахстане 87 проц. хозяйств колхозников и 51,8 проц. единоличников полностью лишилась своего скота.

Куда же девался скот? Будучи обобществленным «на все 100 проц.», он собирался на колхозно-товарных фермах. Но здесь надо иметь в виду то, что, как и настаивал Казкрайком, в ходе коллективизации ставка делалась на создание крупных животноводческих колхозов. А это понималось, как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в радиусе до 200 и более километров в единый колхоз — гигант. Например, на юге республики в Курдайском районе существовало немало сельхозартелей, объединявших 600—800 хозяйств, в Келесском районе из первоначальных 112 колхозов было выделено 35, в Арыском — из 138 было создано 67 сельхозартелей, в Таласском районе в так называемые годки сгонялись до 300—400 хозяйств.

Скот в таких уродливых образованиях (где, естественно, не могло быть и речи о какой-то организации производства, учете труда и пр.) скапливался на колхозно-товарных фермах (участок степи, огороженный арканом). Разумеется, в таких условиях трудно было и думать о соблюдении основного экосистемного принципа кочевого способа производства — точной (симметричной) соотношенности численности скота и природных водно-кормовых ресурсов. Но хозяйственники «новой формации» не придавали этому значения.

Таким образом, разрушение сложившейся хозяйственной системы с ее отработанными социокультурными традициями и механизмами регуляции не сопровождалось заменой экологически, экономически и технологически более приемлемой и действенной альтернативой. Подчеркнем еще раз, что нарождающееся тоталитарное государство, зиждящееся на неразвитых производительных силах, оказалось способным лишь деформировать, изломать и искорежить номадную (кочевую) систему, но никак не преобразовать ее в сторону радикальной хозяйственной трансформации.

Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах и не имея возможности прокормиться, скот попросту погибал. Опыл говорит, что самым чувствительным барометром неблагополучия в сфере принятия политических решений всегда и везде служит экономика. Так было и сейчас. Аул и деревня Казахстана отреагировали на перегибы и извращения повсеместным упадком сельскохозяйственного производства.

В течение первой пятилетки (1928—1932 гг.) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился примерно с 9 до 3 проц. Хотя посевные площади под зерновыми культурами возросли с 1928 г. по 1940 г. почти в 1,5 раза, их валовый сбор не только не увеличился, но наоборот сократился и тоже примерно в 1,5 раза. И это не удивительно, так как урожайность за те же годы упала с 9,2 ц/га до 4,3²⁴ (начинало сказываться безразличие, порожденное отчуждением крестьянина от земли и превращением его в пасмного исполнителя воли начальства).

²⁴ Казахстан за 50 лет. Стат. сб. Алма-Ата, 1971. С. 74; Народное хозяйство Казахской ССР. Юбилейный стат. ежегодник. Алма-Ата, 1987. С. 68.

Беспрецедентный урон понесло животноводство. Динамика случившейся здесь катастрофы выглядела следующим образом. В 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932 г. всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г. доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Еще больше поражают цифры по мелкому скоту: из 18 566 тыс. овец в 1932 г. осталось только 1386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из конского поголовья, определявшегося на 1928 г. в размере 3516 тыс., физически выбыло 3200 тыс. (в 1941 г. — 885 тыс. голов). Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. голов²⁵.

Столь внушительные провалы вызвали некоторое замешательство в сталинском руководстве. И вот 17 сентября 1932 г. выходит постановление «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», где вынужденно давалась установка на «выпрямление» перегибов. В научной литературе оно характеризуется как «историческое», давшее «четкую программу действий». Между тем уже только по фактору времени (кстати, до сельсоветов оно дошло только в декабре—январе) его «выдающуюся» роль можно поставить под сомнение. В самом деле, так ли уж велико конструктивное значение документа, если он был принят, как говорится, по следам горестных событий, когда разрушительные процессы зашли слишком далеко и трагические последствия обрели необратимый характер. Не вызывает доверия и полуправдивый контекст директивы, в котором присутствует некая озабоченность по поводу сокращения численности скота, но нет и намека на разразившийся голод и его многочисленные жертвы.

2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Реакция на силовое давление и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. Как и по всей стране, в Казахстане имело место проявление открытого недовольства, которое в ряде случаев вылилось в вооруженные выступления крестьянства.

²⁵ Казахстан за 50 лет. Стат. сб. С. 82—83.

Наиболее крупные инциденты произошли в Семипалатинском округе. Здесь с февраля по май 1930 г. сильными волнениями были охвачены Зыряновский, Усть-Каменогорский, Самарский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы. Осенью 1929 г. тревожные вести не переставали поступать из Бостандыкского района Сыр-Дарьинского округа, Батбакаринского и Наурузумского районов Кустанайского округа²⁶. Острые конфликты возникали в Балхашском районе Алма-Атинского и Иргизском районе Актюбинского округов²⁷. В феврале—марте 1930 г. вспыхнули мятежи в Сарысуйском районе Сырдарьинского округа²⁸. Крестьянские волнения отмечались и в других районах края. Всего, по сведениям ОГПУ, по Казахстану в это время имело место более трехсот различных демонстраций крестьянского протеста.

Если в 1929 г. выступления крестьян имели преимущественно вид локальных вооруженных противодействий (как это было, например, в Батбакаринском, Бостандыкском районах), то уже зимой и весной 1930 г. волнения обрели более широкий и повсеместный характер. Несмотря на жестокое подавление любых проявлений недовольства и беспощадные карательные акции со стороны органов ОГПУ, сопротивление населения антикрестьянской политике властей стало резко нарастать. Этому не смогли воспрепятствовать и меры, предпринятые властями в соответствии со специальным постановлением бюро Казкрайкома ВКП(б), квалифицировавшего выступления крестьян в Батбакаринском и Бостандыкском районах как проявление бандитско-басмаческого движения.

Начиная с февраля 1930 г. волнения усилились. Непосредственным поводом к этому послужило постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», на основе которого повсеместно начался неприкрытый террор не только в отношении зажиточной, но и середняцко-бедняцкой части крестьянства²⁹. Аналогичное постановление, направленное на реализацию

²⁶ ЦГА РК. Ф. 229. Оп. 3. Д. 159. Л. 32.

²⁷ Архив Инст. Политологии и управления. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3297. Л. 112—118.

²⁸ Абдуразаков А. Операция «Кокандские эмиссары» // Мы из ЧК. Алма-Ата.

²⁹ ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 47. Л. 1.

Вышеупомянутого решения ЦИК и СНК СССР, принимало также и правительство Казахской республики. Впрочем, в те годы таких нормативных актов, направленных на усиление административно-командных методов руководства сельским хозяйством и расширение антикрестьянских репрессий принималось предостаточно, причем как в Центре, так и на местах.

Так, известная секретная инструкция, направленная вслед за февральским постановлением всем Центральным исполнительным комитетам, а также совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам, за подписями Председателя ВЦИК М. Калинина, Председателя СНК СССР А. Рыкова и секретаря ВЦИК А. Енукидзе предлагала «в районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах — по мере действительного массового развертывания коллективизации» ряд карательных акций в отношении кулаков. В частности, здесь говорилось: «В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-средняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям: а) выселить кулацкий актив, наиболее богатых кулаков и полупомещиков в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края — в отдаленные его районы; б) расселить остальных кулаков в пределах района, в котором они проживают на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках...»³⁰.

Крестьянские протесты провоцировались и антирелигиозной политикой ВКП(б) и советского государства. Декларируя свободу совести и вероисповедания своим гражданам, государство тем не менее не отказалось от воинствующего атеизма, доведя его до крайних форм антирелигиозного вандализма, при котором откровенно попирались все нормы морали и права. За короткие сроки в Казахстане были разрушены или закрыты почти все мечети, молитвенные дома и церкви, находящиеся в сельских районах. Естественно, что это вызывало неприятие населения, значительная часть которого относилась к верующим.

Результат не приминул сказаться. Во многих районах республики независимо друг от друга вспыхивали стихий-

ные бунты. Нередки были случаи поджогов, убийств местных партийных и советских работников, уполномоченных по заготовкам, коммунистов, активитов и т. д. Так, насилие со стороны властей порождало ответную реакцию населения.

Социальный состав восставших был в большинстве случаев однородным. Следует также отметить, что, как правило, участники того или иного движения были объединены родовыми связями, вследствие чего в ходе массовых волнений возникали своеобразные межродовые союзы. Во главе каждой группы такого союза стояли выборные предводители из числа наиболее влиятельных и решительных лиц, способных повести за собой людей. Восставшие нескольких родовых групп выбирали общего лидера. Например, так обстояло дело среди восставших в Адаевском округе и в Иргизском районе или в Каракумах, где весной 1930 г. кочевало бежавшее от преследований население из многих аулов Казалинского, Кармакчинского, Карабутацкого, Иргизского, Челкарского и других районов. Однако такие объединения (союзы) не выходили за рамки нескольких аулов и если даже находились на территории одного района, действовали самостоятельно.

В ряде районов крестьянские восстания носили хотя и организованный, но скоротечный характер. Это во многом объяснялось отсутствием оружия и не способностью долго противостоять регулярным войсковым подразделениям, высланным для подавления мятежных очагов. Собственно, именно так случилось в Сузакском районе, где действия и восставших, и отрядов, высланных для их подавления, носили обоюдно трагический характер.

Подготовка к восстанию велась с ноября 1929 г.³¹. Основное ядро его состояло из крестьян некоторых родов племени «Тама», кочевавших в северной и северо-восточной части Сузакского района по р. Сары-Су (в отдельные моменты численность повстанцев достигала 2 тыс. чел.). Одним из идеологов и руководителей повстанцев был гражданин Ирана, перебравшийся в 1918 г. в Баку, а затем в Сузакский район Асадулла Сафар-Али Ибрагим. С его помощью задолго до восстания были изготовлены воззвания и листовки, где в контексте откровенного осуждения беззакония властей обыгрывались и религиозные мотивы (призывы к священной войне против иноверцев — газавату).

³¹ Здесь и далее использованы материалы архива КГБ Республики Казахстан о крестьянских волнениях.

³⁰ Там же. Л. 8—10.

Рано утром 7 февраля 1930 г. восставшие (около 400 человек) ворвались в районный центр с. Сузак. Одновременно они захватили пос. Чулак-Курган и близлежащие аулы. Была предпринята и неудавшаяся попытка прорваться к руднику Ачисай, где предполагался захват имевшегося там оружия.

Доведенные до крайней степени озлобления, восставшие убили в захваченном Сузаке всех руководителей района, в том числе секретаря райкома партии К. Джунусбекова и председателя райисполкома Д. Канлыбаева. Жертвами ослепленных отчаянием повстанцев стали также и случайные люди (погибло 24 человека).

Первоначально для подавления восстания были привлечены отряды, сформированные из коммунаров Туркестана, Чимкента и Кызыл-Орды. Однако последним эта задача оказалась не под силу. 11 февраля 1930 г. в окрестностях кишлака Бабай-Курган в засаду повстанцев попал Туркестанский отряд. 12 февраля в местности Кугашик попал в окружение и был заблокирован Чимкентский отряд. От разгрома его спасла лишь слабая вооруженность восставших (у них были примитивные пики, шашки и в небольшом количестве охотничьи ружья), оказавшихся бессильными против плотного винтовочного и пулеметного огня. С подходом же Кызыл-ординского отряда, подоспевшего на помощь окруженным, восставшие отошли в районе села Сузак. После этого органы ОГПУ в своем докладе Средазбюро ЦК ВКП(б) и штабу Среднеазиатского военного округа были вынуждены констатировать, что «организованные для подавления восстания отряды из коммунаров с этой задачей не справились, а в некоторых случаях понесли поражение, имея убитых и раненых».

С этого момента карательные функции передаются регулярным частям из войск САВО. В середине февраля из Ташкента вышел отряд курсантов и батарея горно-вьючной артиллерии военной школы. Совершив ночной переход через горы Каратау, они подошли к Сузаку. Окружив районный центр со всех сторон, военные обрушили на его жителей и всех кто там оказался шквал пулеметного и орудийного огня. Но и после этого огненного смерча примитивно вооруженные крестьяне еще четыре часа оказывали сопротивление, умело организуя уличные бои.

Однако вскоре восстание, в подавлении которого принял участие и национальный кавалерийский эскадрон, было лик-

видировано. При этом 316 повстанцев было убито, 7 ранено и 276 арестовано. В последующем вакханалию жесточайшего террора познали почти все жители района. Многие из них, спасаясь от расправы, откочевали в пески Муюнкумов, где попытались скрыться, от преследования. Однако далеко не всем это удалось, ибо по их следам шли преторианцы из организации со зловещей аббревиатурой ОГПУ. Так уже Советское государство повторило опыт царизма, осуществлявшего карательные экспедиции в Степь при подавлении национально-освободительного восстания 1916 года.

События, происходившие на территории Сузакского региона, неизбежно повлияли на обстановку и в соседних районах. Так, в одном из них — Чаяновском — население восьми общин открыто выразило недовольство проводимой Советской властью политикой в ауле. А в 9-м ауле этого же района вспыхнул мятеж, который был подавлен силами местной милиции и отряда самообороны.

Похожие события происходили и на территории Сары-Суйского района. Здесь повстанцами были убиты пять человек из числа местных партийно-советских работников и активистов. Однако упреждающие акции карательных органов не дали разрастись движению. Тем не менее в сводках ОГПУ этот район еще долго упоминался в ряду «мятежных территорий».

Весной 1930 г. волнениями были охвачены аулы Кызыл-Кумского района. Загнанные в угол беспределом местных властей, крестьяне были вынуждены оказать сопротивление, проявлявшееся в том числе и в откочевках на территорию Кара-Калпакской автономной области.

В начале марта 1930 г. началось восстание в Иргизском районе. Его руководители А. Какаев и М. Саматов, собрав около 600 человек, даже пытались захватить г. Иргиз. Но после небольшого боя с вооруженным отрядом местных коммунаров, потеряв 56 человек убитыми и пленными, они отказались от этого намерения.

В феврале—марте этого же года обострилась обстановка в районах, прилегающих к пескам Каракумы. Жители многих аулов Казалинского, Кармакчинского, Терень-Узекского, Алам-Есекского и других районов были вынуждены откочевать в Каракумы. Одновременно создавались боевые дружины из числа повстанцев, возглавляемых объявившими себя ханами Дж. Баимбетовым, П. Лаубаевым, К. Жубановым и другими. Необходимо отметить, что выборы или объявление

«ханов» среди восставших вытекали из необходимости осуществления единого руководства над повстанцами и беспрекословного их подчинения.

Масштабы волнений в Каракумах разрастались, и это стало вызывать беспокойство местных властей. Поэтому, по просьбе Ф. И. Голощекина и руководителей республиканского ОГПУ, в Аральск, а затем и на станцию Джусалы были переброшены регулярные части, дислоцировавшейся в Оренбурге 8-й кавалерийской дивизии. В ходе войсковых операций погибли или были пленены руководители повстанцев М. Саматов, Айжаркен Капаев, П. Лаубаев, И. Сатылбалдин, Б. Шуйборин и другие.

Каждая стычка войск с группами в основном безоружных повстанцев оборачивалась для последних десятками убитых и сотнями плененных. Например, в ходе подавления восстания в Иргизском районе и Каракумах со стороны повстанцев погибло 386 человек, а изъято было всего 17 винтовок, 2 берданки и 12 дробовиков. И так было почти везде.

Общим моментом во всех восстаниях было то, что крестьяне, не имея возможности оказывать длительное сопротивление превосходящим их силам, снимались с насиженных мест и откочевывали. Так поступали крестьяне Мангистауского, Жилокосинского, Уильского и Табынского районов, которые, оказывая сопротивление, откочевывали на территорию Туркмени и Каракалпакии, а часть — в Иран и Афганистан. На территории Китая оказалась значительная часть мятежных аулов Балхашского, Чокпарского, Илийского, Эмбекши-Казахского, Биен-Аксуевского, Саркандского, Джаркентского, Барыбаевского районов Алма-Атинского округа.

В более сложном, подчас безысходном положении оказались участники восстаний во внутренних районах. Они блокировались со всех сторон и очень часто подвергались уничтожению влетающими в аулы эскадронами. Так было весной 1931 г. в Абралинском, Чингистауском и Чубартауском районах Каркаралинского округа.

По неполным данным за полтора года в волнениях участвовало около 80 тыс. человек. Несмотря на широкий размах географического пространства, восстания и волнения крестьянства 1929—1931 гг. в силу своей обреченности не могли изменить ход событий и политику официальных властей в ауле и деревне. Одной из главных причин этого явилось противопоставление города и деревни, рабочего класса и крестьянства. Индустриализация страны, осуществлявшаяся

за счет разорения аула и деревни, разрушения традиционных структур, крестьянских хозяйств, не могла вызвать широкого сочувствия со стороны населения. Тем не менее репрессивные меры к восставшим привели к смирению остальной части крестьянства. Однако впереди надвигались еще более страшные события — голод 1932—1933 гг.

3. КАЗАХСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В вопросе о людских потерях в Казахстане в результате голода 1932—1933 гг. современная историография выдвигает целый спектр оценок. В исследованиях, базирующихся на упрощенной процедуре (где все сводится к определению межперписной арифметической разницы в численности казахского этноса), как правило, называется цифра в пределах 1 млн. чел. Имеются и явно завышенные оценки, как, скажем, в книге известного американского специалиста Марты Олкотт «Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии», в которой говорится о двух миллионах жертв.

Имея в виду западную советологию, надо учитывать, что если в одних случаях ее изыскания отражают стремление к истине, то в других бесполезно пытаться искать даже видимость объективности, ибо там все подвывает примат теоретиков, в основе которых лежит все то же неистребимое желание «кинуть еще один камень». Но как бы то ни было, проблемы нашей отечественной истории лучше нас же самих никто не решит. Поэтому настала пора интенсифицировать исследовательский поиск в этом направлении. И здесь огромную роль должна сыграть историческая демография с ее эффективным познавательным инструментарием и универсальными методами исследования.

Как известно, до недавнего времени единственным документальным источником для анализа проблемы служили данные первой и второй Всесоюзных переписей населения (проведены соответственно 17 декабря 1926 г. и 15 января 1939 г.). Интервал между ними составляет полные 12 лет и один месяц. Именно в этот межперписной период произошла убыль населения. Если учесть, что пик демографической депопуляции падает на середину зимы 1932/1933 гг., то, следовательно, катастрофическое сокращение численности народонаселения произошло через почти шесть лет после первой переписи и за точно такой же срок до второй. Другими

Словами, апогей трагического события приходится как раз на середину интервала между двумя переписями, что несколько облегчает расчеты.

Согласно результатам первой переписи 1926 г., на территории Казахской АССР проживало 3 млн. 628 тыс. коренного населения³². Но уже через 12 лет в переписи 1939 г. фиксируется убыль в 1 млн 321 тыс. чел., т. е. происходит уменьшение совокупности на 36,7%³³. Но даже эту цифру, как считают историко-демографы, следует признать минимальной, требующей существенной коррекции в рамках факторного анализа³⁴. С его подключением исследователям удалось установить, что на середину 1930 г., когда количественный состав населения еще оставался относительно стабильным, численность коренных жителей в пределах сопоставимой границы республики составляла около 4 млн. 120 тыс. чел.³⁵.

Исходя из этой базы примерные масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана в годы трагедии определяются в пределах около 2 млн. чел., или 49% его первоначальной численности³⁶. Если же принять во внимание, что по данным текущего учета движения населения в 20-х гг. уровень естественной смертности достигал 25 человек на 1000³⁷, то численность умерших естественной смертью 1931—1933 гг. должна фиксироваться на уровне где-то в 250 тыс. чел. (7%). Из этого историко-демографы делают вывод, что прямыми жертвами голода и связанных с ним болезней стали в названные годы 1 млн. 750 чел., или 42% всей численности казахского населения республики³⁸.

Думается, что вопрос о численности жертв голода остается пока еще открытым. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архивохранилищ КГБ и МВД, Центральных партийных ор-

³² Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 8, отд. 1.

³³ Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 122.

³⁴ Там же.

³⁵ Галиев А. Голод в Казахстане 1932—1933 гг. // Заря, 1989, № 11. С. 13; Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. С. 124.

³⁶ Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. С. 124.

³⁷ Естественное движение населения Союза ССР в 1925 г. М., 1926. С. 40.

³⁸ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахская трагедия // Вопросы истории 1989. № 7. С. 18. (подсчеты М. Татимова).

ганов, из дел с литерой «С» («секретно»), хранящихся в фондах республиканского и областных архивов. Кардинально новые моменты внесут материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как «репрессированная перепись». Проведенная буквально за один день (с 5 на 6 января), она отразила картину величайшей демографической катастрофы, вызванной политикой сталинизма. Понятно, что вскоре ее разработчики и исполнители были арестованы, а многие уничтожены (система боялась оставлять свидетелей). Сами же материалы переписи долгие годы считались уничтоженными. И вот недавно они были обнаружены в фондах Центрального Государственного Архива Народного хозяйства (ЦГАНХ). Из этих материалов следует, что численность казахов составляла в СССР на январь 1937 г. 2 862 458 человек³⁹.

Надо сказать, что в это время в Казахстане произошло снижение численности и других этносов: украинцев с 859,4 тыс. до 658,1, узбеков — с 228,2 тыс. до 103,6, уйгуров — с 62,3 тыс. до 36,6. В это трудное лихолетье представители этих народов были вынуждены покинуть обжитые места и переехать в более благополучные в продовольственном отношении районы — Сибирь, Узбекистан.

Из приведенных данных видно, что масштабы голода, вызванного тотальным разрушением хозяйства, были воистину страшными. Утратив скот, обитатели Степи лишались традиционного для них мясомолочного рациона питания. Рыболовство, охота и собирательство не спасали положения. Хлеб в ауле в силу неурожая также отсутствовал (а тот, что был, выгребли по хлебозаготовкам). Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Без лошадей, верблюдов голодному кочевнику трудно было преодолеть огромные расстояния в несколько сот, а то и тысячи километров. Для бескотного казахского крестьянства огромная Степь из кормилицы превратилась в ловушку.

Гонимые нуждой, людские массы растекались по городам, поселкам, станциям, деревням, станциям железных дорог с единственной целью — выжить. В местах их концентрации вспыхивали очаги эпидемии брюшного тифа, который до того времени был неизвестен жителям редконаселенной степи. Отсутствие иммунитета против неизвестной ранее бо-

³⁹ Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания // Социологические исследования. 1990, № 7. С. 59.

лезни, а также слабая организация здравоохранения (а во многих случаях ее полное отсутствие) обрекали ослабленных голодом людей на смерть.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности населения, т. е. 1030 тыс. человек, откочевала в годы голода за пределы республики. Из них 616 тыс. безвозвратно и 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. По нашим оценкам, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

Неоспоримым доказательством крупных откочевек казахов в сопредельные регионы служат материалы все тех же переписей населения 1926 и 1939 гг. Если по переписи 1926 г. в соседних республиках проживало 314 тыс. лиц казахской национальности, то по переписи 1939 г. — уже 794 тыс., т. е. превышение составило в сопоставимых границах 453 тыс. человек⁴⁰. В межпереписный период 1926—1939 гг. за счет мигрантов численность казахов возросла: в РСФСР в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане — в 7 раз, в Киргизии — в 10 раз⁴¹.

С приходом в республике нового руководства (Ф. И. Голожкин в начале 1933 г. был освобожден от занимаемой должности) во главе с видным большевиком-ленинцем Л. И. Мирзояном (в казахском народе его фамилию любовно переименовывали на «Мырзажан» — «Щедрая душа») была проделана большая работа по возвращению и хозяйственному обустройству откочевников. Но уже с 1938 г. после репрессивных вакханалий по борьбе с «японскими шпионами» и «национал-фашистами» эти усилия были свергнуты. Новый состав ЦК республики не рискнул продолжать дело «врагов народа» (Л. И. Мирзоян был арестован и расстрелян). Однако это уже другая, не менее печальная, страница истории.

Голод и связанные с ним эпидемии, а также откочевки сильно деформировали нормальный процесс демографичес-

⁴⁰ Татимов М. Б. Летопись в цифрах (на каз. яз.). Алма-Ата, 1969. С. 79—80.

⁴¹ Там же. С. 80. На сегодня в мире насчитывается около 10 миллионов казахов. Наиболее многочисленные диаспоры имеются в Китае (1070 тысячи чел.), Монголии (137 тысяч), Турции (120 тысяч), Афганистане (20 тысяч), Иране (10 тысяч), Западной Германии (550 человек), Франции (510 человек), Швеции (200 человек), Нидерландах (120 человек), США (100 человек), Англии (60 человек) и т. д.

ких переходов в самом их начальном этапе. Коренное население республики смогло быстро преодолеть глубоко кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии развития народонаселения, то есть на первых фазах демографической эволюции. Только благодаря мощному демографическому взрыву, совершившемуся в послевоенные годы в своем классическом варианте (пик приходится на 1962 г.), казахский этнос смог восстановить огромные потери. Прежняя численность была восстановлена почти через 40 лет, в 1969 г. Если бы не было демографического взрыва и его до сих пор продолжающегося «эха», то для преодоления подобного национального кризиса народонаселения потребовалось бы не менее 100—120 лет, т. е. в 2—3 раза больше времени. Несмотря на это, его последствия будут сказываться еще долго — в течение 150—170 лет, как бы повторяя волнообразно прошлую сложную историю, но постепенно угасая, через смену каждого поколения.

Когда начинаешь осмысливать трагические события, тех лет, то приходишь к пониманию, что причины их раскрываются отнюдь не через категорию «случайного», обозначенную в традиционной историографии как «ошибки и перегибы». Скорее наоборот, здесь имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули сказать, фатальное, ибо мобилизационно-административные и волюнтаристско-силовые методы уже по природе своей стихийны. В их основе лежат тенденции к контрарному противопоставлению политико-идеологических средств императивам экономического ряда, к попранию правовых норм и человеческого фактора (выражаясь сегодняшним языком). Следовательно, ошибки и перегибы выражают в действительности объективную логику сталинской модели организации общества.

Осознавая эту предпосылку, тем не менее трудно удержаться от вопроса: как в то время могли допустить такое трагическое развитие событий? Тем более, что еще и сегодня бытует мнение о якобы полном неведении Сталина и его ближайшей креатуры о положении дел, о масштабах драмы в Степи, что их, дескать, дезинформировали и т. д. Так ли это?

Действительно, как рассказывали на одном из заседаний бюро Казкрайкома Л. И. Мирзоян (он только заступил к руководству партийной организацией республики) и председатель СНК КАССР У. Исаев, возвратившиеся из Москвы после доклада о ситуации, сложившейся в крае, Л. Кага-

нович был более чем возмущен. Он все время грозно вопрошал: «Как это могло случиться? Почему ЦК узнает об этом из газет (явная ложь, так как пресса в то время не выходила в своей «информации» далее санкционированных пропагандистских клише)? Кому выгодно было это (т. е. голод, откочевки и т. д.) замалчивать (привычный намек на «вредителей»)?»

Казалось бы в Центре в самом деле не представляли масштабов катастрофы, иначе к чему весь этот фарс. Но документы говорят о совершенно обратном. Прежде всего известна официальная правительственная записка за подписью Председателя СНК Казахстана У. Исаева (май 1932 г.), в которой давалась более или менее правдивая информация. Существует также версия, что о голоде и откочевках в Казахстане в Москву сообщали секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе и председатель ЦИК Узбекистана Ю. Ахунбабаев (логика здесь есть, поскольку Западная Сибирь и Узбекистан приняли большие массы откочевников, и их руководители не могли не ставить об этом в известность Сталина).

В этой же связи можно также напомнить эпизод, когда В. Молотов выразил подобие беспокойства по поводу массовых откочевок населения из Западного Казахстана, при этом сразу удовлетворившись объяснениями Ф. Голощекина, что, дескать, там опять «классово чуждый» элемент воле мутит (столь универсальная отговорка в те годы всегда «сняла» все проблемы: от поломки турбины до пожара в поле). Кстати, понимание Голощекиным сущности откочевок вообще отличалось большой «оригинальностью». Вот буквальная цитата из одного его выступления: «Казах никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уроков. Они — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие — «левые» фразеры — видят в этом только контрреволюцию. Конечно, в некоторой степени есть элементы и того, и другого, но в основном идет перестройка быта»⁴². Неужто невдомек было первому руководителю респуб-

⁴² Советская степь, 1931. 1 сентября.

лики, что стихийные передвижения огромных масс населения были вызваны не «перестройкой быта», а элементарной нуждой.

Убедительным свидетельством фарисейского лицемерия высшего эшелона власти служит письмо Т. Р. Рыскулова* Сталину.

В нем говорилось: «По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края сейчас казахов: в Средней Волге — 40 тыс. человек, Киргизии — 100 тыс. человек, Западной Сибири — 50 тыс. человек, Каракалпакии — 20 тыс., Средней Азии — 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевки казахов в сторону центральных районов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевники по отдельным районам доходят до 40—50% всего количества населения районов...

Но самым отрицательным результатом этих откочевки и расшатываний казахских хозяйств — являются голод и эпидемии среди казахского населения, начавшиеся с начала 1932 г., которые, ослабев летом, теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев представители для участия в работах комиссии СНК РСФСР сообщают следующие факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского Крайисполкома)

* Рыскулов Турар Рыскулович (1894—1943 (?) гг.) — член партии с сентября 1917 г. В январе 1920 г. избран председателем Туркестанского ЦИКа, осенью того же года назначен зам. наркома по делам национальностей РСФСР. Осенью 1922 г. — председатель СНК ТуркССР, с февраля 1924 г. работает в Исполкоме Коминтерна, его уполномоченный в Монголии. С мая 1926 по май 1937 гг. — зам. председателя СНК РСФСР. Незаконно арестован и расстрелян.

Известно два письма Т. Рыскулова Сталину — от 29 сентября 1932 г. и 9 марта 1933 г. Ниже приводятся выдержки из письма Т. Рыскулова Сталину (копия с. х. отдела ЦК ВКП(б) т. Кагановичу и СНК СССР — т. Молотову) от 9 марта 1933 г.

говорит, что в Сольилецком и Орском районах среди отко-
чевников умирают ежедневно 5—10 человек; т. Алагызов (от
Западно-Сибирского исполкома) сообщает, что по одним
станциям Сибирской ж. д. скопилось 10 тыс. казахов, среди
которых много больных эпидемическими заболеваниями и
значительная смертность; на кирпичном заводе Севстройпу-
ти работало 84 казахских рабочих, потом их уволили, 14 че-
ловек умерло с голоду, за что привлечены к ответственности
виновники; т. Туганбаев (зам. председателя) Киргизского
ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось
до 10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком
ВКП(б)) и ежедневно умирает 15—20 человек (особенно
дети).

Не лучше обстоит дело с откочевниками внутри самого
Казахстана. По многим городам (Аулие-Ата, Чимкент, Се-
мипалатинск, Кзыл-Орда и др.) и станциям ж. д. ежедневно
вывозят трупы умерших казахов. В Чуйском районе (по со-
общению уполномоченного т. Джандосова) в райцентре с. Но-
во-Троицком умирает ежедневно до 10—12 человек казахов, и
60% кочевников также ушло из района. В Сары-Суйском
районе из имевшихся 7000 хозяйств осталось около 500 хо-
зяйств, а остальные откочевали в Аулис-Атинский и другие
районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на боль-
шое расстояние двинулось несколько сот казахов из этого
района с семьями. По дороге часть населения погибла. За
одну вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. По до-
роге напали на них вооруженные бандиты. Женщины броса-
ли детей в воду. В г. Аулие-Ата 5—6 января по чайханам
подобрали замёрзших 20 трупов детей и за то время умерло
84 человека взрослых. В постановлении Актюбинского обко-
ма от 16 октября 1932 г. указывается, что на ж. д. ст. Джу-
салы из прибывших до 300—400 семейств возвращенцев-от-
кочевников (и направленных затем на ст. Сакасаульская)
умерло (по неточным данным) 100 человек казахов (в том
числе 21 человек от натуральной оспы), благодаря не ока-
зания им помощи, имело место на станции избитие каза-
хов. В указанном постановлении констатируется, что район-
ные организации проявили «безразлично-безучастное от-
ношение к массовой смертности казахов». Событие произошло
еще в конце июля месяца, а постановление обкома состоя-
лось в октябре месяце.

В докладе московского отряда (Общества) Красного Кре-
ста, работающего сейчас в Актюбинской обл., сообщается,

что казахи в таких районах как Тургайский, охвачены голо-
дом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают
корешки диких растений, мелких грызунов. «Собаки и кош-
ки этой группой съедены полностью, и кучи мусора вокруг
их шалашей полны вываренных костей собак, кошек и мел-
ких грызунов...». Передают о случаях трупоедства. В этом
же сообщении отряда указывается, что в одном районном
центре Тургая, где 2500 человек населения, болело оспой
728 человек при высокой смертности. В то время, когда по
центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах рай-
она с населением 25 тыс. человек работало всего 2 оспопри-
вивателя. Актюбинский областной центр не знал об эпиде-
мии оспы в Тургайском районе. А Казахский наркомздрав
вовсе не охватывает учетом также районы, вследствие чего
получается, что на то же время по краю числилось забол-
евших оспой 2400 человек.

По данным местных органов в Тургайском и Батпакарин-
ском районах вымерло 20—30% населения и большая часть
остального населения откочевала. В Челкарском районе в
ряде аулсоветов вымерло 50—55% населения. В целом по
Актюбинской обл. (куда относятся эти районы) председатель
облсполкома т. Иванов сообщил в докладе на областном
съезде Советов (июль 1932 г.), что в области в 1930 г. было
населения 1.012.500 человек, в 1932 г. осталось 725.800 че-
ловек или 71%. По свидетельству председателя Кзыл-Ор-
динского райисполкома в этом районе по большинству аул-
советов осталось 15—20% населения. В Балхашском районе
(по данным местного ОГПУ) было население 60 тыс. чело-
век казахов. В Каратальском районе в прошлую зиму во
время насильственного переселения на оседание трех казах-
ских аулов в другое место погибла половина населения. В
том же районе (по сведениям местного ОГПУ) за декабрь и
10 января 1933 г. умерло 569 человек от голода, подобрано
за то же время на ст. Уштобе, площадке Каратальстроя и
рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартауском районе в
1931 г. было 5300 хозяйств, на 1 января 1933 г. осталось
1941 хозяйство».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахская трагедия // Вопросы истории, 1989, № 7.
2. Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. Алма-Ата, 1990.
3. Данилов В. П. Коллективизация // Урок дает история. М., 1989.
4. Козыбаев М. К. История и современность. Алма-Ата, 1991.
5. Абылхожин Ж. Б. Традиционная структура Казахстана. Алма-Ата, 1991.
6. История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991.